Путеводитель по постсоветской аграрной реформе в России: объективное и субъективное измерение сельской жизни

Рецензия на книги: Узун В.Я., Шагайда Н.И. Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. — 352 с.; Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. — 368 с.

И.В. Троцук

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-3-162-190

> Безынициативность, апатия,
> отсутствие желания и воли к лучшему... —
> не причина, а следствие бедственного положения крестьян.
> *«Смыслы сельской жизни» (с. 306)*

Как ни странно, но литературные метафоры-клише «Что делать?» и «Кто виноват?» стали расхожей моделью аргументации не только в повседневных российских разговорах — аналогичные вопросы нередко встроены в публицистические и научные тексты и добавляют им легко считываемую идеологически-дискурсивную тональность (антирыночную, пролиберальную или иную). Как правило, эта оценочность особенно сильна в (гео)политических текстах, но в целом дисциплинарно нечувствительна и может стать принципиальной авторской позицией в экономических и прочих работах. Особенно убедительна подобная тональность, когда речь идет о реалиях, не составляющих сферу обыденного знания читательской аудитории. Видимо, сельское хозяйство в нашем урбанизированном мире формирует именно ту область значений, в отношении которой средствам массовой информации легко породить массу мифологем как позитивного (поэтические образы спокойной деревенской жизни на лоне

природы), так и негативного плана (депрессивные опустевшие районы, покосившиеся хибары, где живут лишь пьяницы и одинокие старики), манипулируя достаточно объективными данными (акцентируя одни и замалчивая другие). Так, нередко в упрек когорте постсоветских реформаторов ставится развал сельского хозяйства страны, что несколько противоречит нынешним победным реляциям российского руководства об обеспечении национальной безопасности в сфере продовольственного самообеспечения.

Парадоксальность оценок постсоветского аграрного развития заставляет обратиться к двум недавно вышедшим книгам, каждая из которых ставит перед собой задачу максимально беспристрастного исследования хода и результатов российской аграрной реформы, хотя решается эта задача в принципиально разных, но взаимодополняющих перспективах: (историко-)экономической и (междисциплинарно-)социологической. Книга В.Я. Узуна и Н.И. Шагайды «Аграрная реформа в постсоветской России» «систематизирует предпосылки проведения аграрной реформы... обобщает теорию и практику ее осуществления, формулирует уроки реформы и вызовы, которые стоят перед обществом в настоящее время в области перестройки сельского хозяйства» (с. 4). Коллективная монография «Смыслы сельской жизни» описывает «жизненный мир жителей современной российской деревни на базе всероссийских исследований 2012–2016 годов», рассматривая в качестве структурных компонентов жизненного мира «общественное (групповое) сознание, поведение (деятельность) и объективные условия» и «раскрывая богатую палитру смыслов общественной (публичной) и личной (приватной) жизни» (с. 2). Поскольку обе работы предельно насыщены статистическими и прочими данными, ниже представлен своеобразный справочник для читателя, ориентирующий его в том, какую информацию он найдет в книгах, каких оценок придерживаются их авторы, какие моменты могут вызвать у него сомнения или непонимание. В этом кратком (на фоне содержательной насыщенности двух текстов) справочнике не приводятся статистические выкладки, в огромном количестве представленные в книгах, чтобы у читателя не сложилось превратного представления об их первостепенном (по сравнению с аналитической частью) значении.

Итак, в первой книге четко, последовательно, с опорой на статистические данные рассмотрены предпосылки аграрной реформы (первый раздел), разработка ее концепции (второй раздел), ход реформы (третий раздел) и ее результаты (четвертый раздел). Под аграрной реформой авторы понимают «совокупность законодательных и организационных механизмов, созданных для коренного изменения систем землевладения и землепользования, форм организации сельскохозяйственного производства, взаимоотношений государства с сельхозпроизводителями... и элементами продовольственной цепочки» (с. 8). Столь широкое определение аграрной реформы позволяет рассматривать в качестве таковой целые

комплексы мероприятий по перестройке сельского хозяйства (и/или сельской жизни) в течение длительных исторических периодов, в частности в России это столыпинская реформа (1906–1914), «направленная на передачу общинных, казенных и помещичьих земель в собственность крестьян, землеустройство и ликвидацию чересполосицы, переселение крестьян из густонаселенных европейских районов на свободные земли», и ельцинская реформа (1990–1996) «по приватизации сельскохозяйственных земель, реорганизации колхозов и совхозов, формированию крестьянских (фермерских) хозяйств, развитию личных подсобных хозяйств, переходу к рыночным методам государственного регулирования аграрного сектора» (с. 8). Главная характеристика аграрной реформы — ее эффективность, или соотношение «положительных и отрицательных экономических и социальных последствий», которое оценивается через «динамику показателей использования и отдачи ресурсов» (с. 10).

Видимо, понимая сложность книги для не вполне подготовленного читателя (хотя она, несомненно, адресована самой широкой аудитории, потому что каждому полезно понимать происходящее в своей стране в настоящем и прошлом), авторы предварили ее основное содержание Введением, обосновывающим необходимость и логику объективного анализа «итогов очередного этапа исторического развития России» (авторы мыслят широкими категориями) и причин того, почему далеко не все мечты и надежды начала 1990-х годов оправдались, несмотря на грандиозную смену «аграрного строя». Масштабность и многогранность реформы обусловила ее неоднозначное восприятие в России и за рубежом, причем в обоих случаях, как правило, критикуется приватизация — внутри страны как приведшая к сокращению объемов производства и импорта и увеличению заброшенных сельхозугодий и числа вымерших деревень; за ее пределами — как не обеспечившая появление сильного сельхозпроизводителя-хозяина и модернизацию сельского хозяйства, а сохранившая прежние и породившая новые крупные сельхозпредприятия. Не отрицая обоснованности критики аграрной реформы, авторы подчеркивают, что необходим ее комплексный анализ: он до сих пор не был проведен, а многие важные компоненты реформы забываются, в частности, что «на протяжении десятков лет дореформенного периода научные работники, руководители хозяйств обосновывали необходимость изменения взаимоотношений государства и сельхозпроизводителей, системы организации производства, пробовали разные системы стимулирования работников... опыт реформирования в сельском хозяйстве накапливался еще в рамках советской системы» (с. 12).

Введение сразу предупреждает читателя и о такой особенности книги, как максимально безоценочная констатация происходящего, отсутствие попыток его идеологизации. Так, по мнению авторов, многие проблемы аграрной реформы объясняются тем, что ее механизмы создавались в ходе ее реализации, без предварительной раз-

работки и просчета рисков: скажем, разрешение оборота земельных долей оказалось не обеспечено документацией государственного образца, подтверждающей право собственности на доли. Другая особенность книги — сопоставление российских реалий с аналогичными ситуациями, например, в бывшей ГДР, где к моменту объединения ФРГ были разработаны подробные многостраничные нормативные акты по адаптации сельского хозяйства восточных земель к рыночным условиям, предусмотрены вливания бюджетных средств и стимулирование инвестиций — все, чего не было в России. Причем в нашей стране отсутствовали не только важные институциональные условия реформирования, но и постоянный мониторинг институциональных ловушек в целях оперативного реагирования на негативные вызовы.

Главной предпосылкой аграрной реформы в начале 1990-х годов авторы считают реформирование всей экономики, «и сельское хозяйство не могло быть исключением... Экономисты-аграрники тратили годы на критику проводимых преобразований, но не предлагали путей адаптации системы сельского хозяйства к новым условиям. Традиционные предложения правительству на протяжении почти десятка лет после начала реформ... не имели экономической базы и не могли быть реализованы в принципе» (с. 17). «Советская система хозяйствования не была и не могла быть совершенной», потому что в условиях плановой экономики «размещение и развитие производства не оценивали с позиции возможности ведения прибыльной деятельности», что порождало хронический дефицит, невзирая на рост производства и импорта (с. 17). Дефицит был проблемой не советского общества, а социалистической экономики, но в 1980-е годы дефицит продовольствия обострился вследствие роста доходов (городского) населения относительно роста производства.

Дефицит имел искусственный характер, его порождало сдерживание государством розничных цен (были в несколько раз меньше издержек на производство) — отсюда разрыв цен в магазинах и на рынках, введение продовольственных талонов, карточек и заказов по месту работы. Государство десятилетиями контролировало уровень цен в магазинах, опасаясь протестных выступлений, хотя себестоимость производства росла и цены производителей были выше цен в магазинах. «Разрыв между закупочной ценой в колхозах, совхозах и ценами в государственных магазинах покрывали за счет доходов от продажи на внешних рынках, рос импорт зерна... экономика Советского Союза... оказалась глубоко интегрированной в систему международной торговли, стала зависеть от конъюнктуры мировых рынков» (с. 24). Когда доходы от продажи нефти вследствие падения цен на мировых рынках снизились, государство не смогло компенсировать дотациями разницу между ценами сельхозпроизводителей и розничными регулируемыми ценами (причем низкие цены обеспечивались только в городах, а сельские жители были вынуждены покупать продукты по более высоким ценам, производить их в своих хозяйствах или ехать за ними

в города). «Установленные государством закупочные цены на продовольствие не удовлетворяли сельхозпроизводителей... Они уже не опасались репрессий (их риск был минимальным), поэтому всеми способами стремились не продавать продукцию государству» (с. 38).

Второй предпосылкой аграрной реформы авторы называют общее состояние сельского хозяйства. «При советской власти замедление темпов его развития и низкую эффективность очень часто объясняли субъективными, волюнтаристскими, ошибочными действиями руководителей страны или исполнителей, однако проблемы... были закономерным результатом проводившейся аграрной политики. Ошибочными были основные ее постулаты: государственная продовольственная монополия (лишь незначительная часть продовольствия поступала в потребительскую кооперацию и на колхозный рынок); административное, внеэкономическое принуждение к производству и реализации продукции по директивным ценам (плановые задания для республик, областей, районов и хозяйств); слабые бюджетные ограничения (существовали планово-убыточные хозяйства, долги колхозов и совхозов списывались, компенсировались субсидиями; безвозмездное финансирование сводило на нет действие экономических стимулов, порождало всеобщую уравниловку, хозрасчет наоборот, бесхозяйственность и иждивенчество); лишение сельхозпроизводителей права иметь землю в собственности, запрет на перераспределение земли между сельхозпроизводителями на иных, кроме административных, решениях (колхозы и совхозы стремились списать с себя сельскохозяйственные земли, чтобы уменьшить плановые задания по реализации продукции; земля оказалась без цены и стоимости, ее нельзя было обменять, купить или сдать в аренду); внеэкономические принципы выбора форм организации производства (государственная собственность считалась наиболее эффективной, поэтому доля государственного сектора постоянно росла); слабые стимулы повышения эффективности производства» (с. 27–28).

Третьей предпосылкой аграрной реформы (вернее, аграрного кризиса, предопределившего ее необходимость) стали неудачные попытки решить проблемы сельского хозяйства и продовольственного снабжения. Дело было не только в неправильности принимаемых решений, но и в том, что критиковались лишь отдельные положения аграрной политики, которая оставалась неизменной с начала 1930-х годов. Кроме того, неоднократные попытки внести в нее изменения (в 1953 году была признана ошибочность чрезмерной централизации планирования и управления колхозами, в 1980-е годы был введен коллективный подряд и т. д.) были лишь реорганизациями, а не полноценной реформой. Причем каждая реорганизация лишь подкрепляла основную идею советской аграрной политики — обобществление производства. На протяжении всей советской истории «перемены во внутриколхозной и внутрисовхозной организации труда... практически не выходили за пределы форм ор-

ганизаций, возникших еще в начале 1930-х годов... Проводившиеся реорганизации не только не ликвидировали причины аграрного кризиса в стране, но и, наоборот, все более их обостряли» (с. 34–35). «В социалистической системе отсутствовала легитимная, признаваемая и народом, и властью процедура обеспечения баланса спроса и предложения» (с. 37).

Основной ошибкой правительства к началу 1990-х годов стало сохранение регулируемых цен на хлеб и ряд других продуктов, а сдерживание розничных цент обусловило необходимость сдерживания и закупочных цен, что повлекло отказ сельхозпроизводителей продавать государству свою продукцию, особенно после перехода к рыночным ценам в 1992 году. Правительство избрало репрессивную политику, закупая продовольствие за рубежом и продавая его на внутреннем рынке по низким ценам, компенсируя разницу из бюджета: страны Европы поддерживали внутренние цены для своего производителя и продавали импортное продовольствие в 1,5–2 раза дороже мировых цен, а российское руководство вытесняло национального производителя со своего же рынка несправедливыми закупочными ценами.

Следует подчеркнуть, что в первом разделе книги проявляется еще одна ее отличительная черта — поразительная наглядность: все утверждения авторов обоснованы статистическими данными и собственными расчетами. В том случае, если какие-то явления не были отражены в официальной информации, авторы прибегают к вспомогательным источникам, например, к опубликованным воспоминаниям очевидцев о том, как люди в позднесоветский период ездили за дешевыми продуктами в Москву из населенных пунктов, расположенных в радиусе 400–500 км вокруг столицы, потому что правительство пыталось создавать видимость изобилия, насыщая продуктами магазины в отдельных городах (возник термин «колбасная электричка»). Авторы не ограничиваются отстраненно-лаконичными цифрами и сухими историческими фактами, а очень образно характеризуют ситуацию в стране: «как в калейдоскопе, чуть ли не каждый год менялись модные формы организации производства»; «стало ясно, что коллективный подряд не является панацеей от наших бед» и т. д.

Второй раздел книги — самый короткий, здесь обозначены цели и принципы аграрной реформы, охарактеризована логика ее институционализации. Впервые цели реформы были изложены в ее Программе на 1994–1995 годы (с. 45–46): «формирование многоукладной экономики на основе приватизации земли и реорганизации колхозов и совхозов; переход от директивно-плановых отношений к рыночным (ориентация на спрос, предложение, рыночные цены и оценку эффективности бизнеса, введение процедуры банкротства); демонополизация продовольственного снабжения с передачей этой функции агропромышленному бизнесу и сохранением за государством функции по выработке стандартов, контролю качества продоволь-

ствия, созданию резервов; переход от государственного управления сельским хозяйством к его экономическому регулированию; передача объектов социальной сферы и инженерной инфраструктуры от сельхозпроизводителей органам муниципальной власти путем освобождения сельскохозяйственных организаций от обязательств по финансированию строительства и содержания этих объектов».

Решались эти задачи на основе разных принципов: общеэкономические изменения (отказ от директивного планирования и государственных цен) были введены методом шоковой терапии (одномоментным решением федеральных властей), что разрушило советскую систему реализации продукции и поставок ресурсов и повлекло резкое падение производства и банкротства. Остальные задачи (приватизация земли и реорганизация сельхозпредприятий) решались с учетом интересов крестьян, на принципах добровольности (каждое хозяйство могло самостоятельно проводить приватизацию земли и имущества или оставить их в государственной собственности, сохранить прежнюю организационно-правовую форму или выбрать новую), социальной справедливости (учет интересов основных социальных групп на селе), бесплатности (передачи земли в пределах установленных норм, допускалась покупка земли сверх предельных размеров), эволюционности (не немедленный роспуск колхозов и совхозов, а постепенные преобразования по мере появления желающих выделиться из общего хозяйства) и мотивации экономической эффективности (формирование конкурентоспособных благодаря возможностям накопления и появления собственника земли и эффективного хозяйственника).

Безусловно, масштабная реформа не могла не вызвать споры на этапе формирования ее общей стратегии. Они касались выбора собственника земли — юридических лиц (коллективная собственность сельхозпредприятий) или граждан (владельцы земельных паев), а также права на получение земли в ходе приватизации: возвращение земли прежним собственникам (восточноевропейская реституция была отвергнута в России по технической причине отсутствия документов о собственности до коллективизации), раздел земли между семьями пропорционально числу членов семьи или работников (китайский путь был неприемлем для России, так как привел бы к разрушению объектов инфраструктуры, животноводческих ферм и т. д.) или раздел земли на доли (российский вариант предоставления каждому собственнику права самостоятельно распоряжаться своей земельной долей позволил сохранить прежние хозяйства полностью или частично и избежать чересполосицы).

Эти споры были решены в ограниченный отрезок времени, практически в ходе реформы: быстрая эволюция наиболее значимых законодательных и нормативных актов аграрной реформы отражена авторами в таблице, где приведен перечень и содержание этих актов с 1990 года до 2010-х годов. «Отказ от принятия специального закона об аграрной реформе впоследствии стал основанием для много-

численных обвинений, что реформа... не имела законодательного закрепления», но авторы с этим категорически не согласны: их анализ законодательных и нормативных актов, наоборот, доказывает «попытку осуществить последовательные действия» (с. 52). Проблему они видят в другом: «все денежные обещания государства, как правило, оставались на уровне декларации... тексты указов президента и постановлений правительства свидетельствуют о наличии серьезного сопротивления реформе на местах... Многое, что было отражено в документах, сделано на практике, но часть достижений потеряна, многие обещания и намерения не выполнены (отсутствует орган управления земельными ресурсами, не закончено разграничение государственной собственности, большинство организаций имеют уставные документы с большими погрешностями, высоки транзакционные издержки оформления договоров, система кадастрового учета не адаптирована для учета многоконтурных участков и др.)» (с. 54–56). Кроме того, «аграрная реформа проводилась фактически без информационной работы среди руководителей и работников сельскохозяйственных организаций, без финансовой поддержки, в условиях чудовищной инфляции, непоследовательно и с перекосами. Постепенно реформирование как процесс сознательного преобразования аграрной сферы перестал быть приоритетом государства» (с. 57).

Далее в разделе рассмотрен опыт выявления институциональных ловушек в 1993–1995 годах в Нижегородской области, который позволил разработать «нижегородскую модель» — методику приватизации земли и реорганизации сельхозпредприятий, состоящую из такой последовательности шагов: формирование пакета документов для выдачи свидетельств на земельные доли и имущественные паи; проведение информационной кампании; выявление лидеров, создание новых и расширение действующих предприятий и хозяйств; заключение договоров между предпринимателями и собственниками земельных долей и имущественных паев; составление заявки на получение земли и имущества; внутрихозяйственный аукцион по распределению земли и имущества; передача земли, имущества и долгов (включая обмен ими между участниками аукциона по взаимному согласию). Хотя по итогам нижегородского проекта были приняты постановления правительства и разработано пособие Министерства сельского хозяйства, лишь отдельные его элементы получили в дальнейшем массовое распространение, а основная часть хозяйств не привела свои земельные и имущественные отношения в соответствие с новым законодательством, что впоследствии стало причиной многочисленных нарушений прав собственников земельных долей и имущественных паев, незаконного присвоения земли и имущества, судебных тяжб, банкротств и т. д.

В третьем разделе рассмотрен ход реформы по базовым для нее направлениям. Во-первых, это реформирование земельных отношений посредством следующей технологии приватизации: решения коллективов реорганизуемых колхозов и совхозов; формиро-

вание районного фонда перераспределения земель; установление форматов и норм платной и бесплатной передачи участков в собственность; понимание причин проблем в управлении общей собственностью и разделе участков. Авторы не согласны с критиками принятой в России технологии приватизации, согласно которой «под особый объект, созданный в ходе приватизации в сельхозпредприятиях, создавались особые механизмы»: такой подход имел серьезные преимущества перед другим вариантом приватизации, когда каждый собственник получал индивидуальный участок, — быстрое проведение, отсутствие конфликтов по причине равенства долей и одинаковости участков в баллогектарах, возможность консолидации участков (с. 73). Впрочем, и минусы российской приватизации земли для авторов очевидны: затрудненный оборот участков в общей собственности коллективов, неизбежные конфликты при разделе участка в долевой собственности, проблемы применения унифицированных механизмов для особых участков в долевой собственности и т. д. К этому списку по мере развития рынка земельных долей и участков добавились низкая квалификация чиновников, породившая многочисленные ошибки в правоустанавливающих документах на землю (не было предусмотрено стандартных формулировок решений), затягивание рядом регионов процесса перераспределения земель или его теневой характер, что увеличивает коррупционную составляющую земельного оборота и его транзакционные издержки, причем многие из этих проблем «остаются на периферии научной и политической дискуссии» (с. 76).

Во-вторых, в ходе реформы была осуществлена реорганизация колхозов и совхозов: через эту процедуру должны были пройти все сельхозпредприятия, но ее тактики различались в зависимости от роли организации в производстве, долгов и государственных инвестиций в имущественный комплекс. Различие тактик объяснялось прежде всего тем, что процедура реорганизации была разработана условно и дорабатывалась по мере применения, что породило множество проблем: районные власти и руководители хозяйств не всегда разделяли взгляды руководства страны и противодействовали реорганизации по спущенному сверху формату; низкий правовой уровень участников реорганизации привел к принятию противоречивых учредительных документов; низкая бюджетная обеспеченность районных и местных администраций заставляла их затягивать передачу объектов социальной сферы на их балансы; отсутствовали механизмы бесконфликтного раздела имущества и земли и др. Причем объективные проблемы накладывались на устойчивые российские стереотипы, например, что для коллективистского менталитета россиян наиболее приемлемы производственные кооперативы, хотя мировая практика подтверждает их низкую конкурентоспособность, слабый мотивационный механизм и неустойчивость (почти нигде в мире производственные кооперативы не могут выжить без субсидий и заказов государства).

Также сдерживали ход аграрной реформы и общеэкономические ограничения: административное противодействие районных властей, которые сводили реорганизацию хозяйств к смене «вывески»; тяжелая экономическая ситуация — прекращение государственной поддержки сельского хозяйства, высокие темпы инфляции (увеличивали долги сельхозпредприятий); отсутствие инвестиций по причине низкой доходности сельхозбизнеса; административное ограничение процедур банкротства (на селе не было иных работодателей, кроме предприятий-банкротов).

В-третьих, в ходе реформы радикально изменилась система государственного управления сельским хозяйством. В дореформенный период «все планы, цены, нормативы разрабатывались в высших органах власти, затем разверстывали по иерархическим уровням управления вплоть до отдельных сельских администраций и хозяйств в виде контрольных цифр... Их осуществление... обеспечивалось благодаря партийно-государственным органам управления сельским хозяйством, а также системе планирования, материально-технического снабжения, заготовок, оказания услуг и т. д. ... Функционирование такой системы было обеспечено через разные механизмы принуждения, устрашения, стимулирования, требовало мощного партийно-хозяйственного аппарата» (с. 87–88). Переход к рыночным ценам в 1992 году разрушил всю систему централизованного управления сельским хозяйством и функционирование всех ее элементов. Авторы с сожалением констатируют, что Россия не пошла по китайскому пути, который включал в себя первоначальное, постепенное и последовательное (реализация всех мер по переходу к рынку и в изначально задуманных объемах) реформирование сельского хозяйства, чтобы удовлетворить внутренние потребности в продовольствии, а лишь затем перевод на рыночные рельсы всех прочих отраслей экономики.

С переходом к рыночной экономике кардинально поменялась вся система управления сельским хозяйством: органы управления сосредоточились на мониторинге ситуации, экономических методах управления и обосновании необходимости и объемов субсидий из бюджета; дореформенное регулярное списание долгов было заменено на крупномасштабные реструктуризации (отсрочка, рассрочка, прекращение начисления пеней и штрафов), централизованное кредитование и ссуды — на товарное кредитование; компенсация части процентной ставки по кредитам и система сельхозкооперации стали основными способами поддержки сельхозпроизводителей. По мнению авторов, нынешняя система поддержки сельского хозяйства обладает целым рядом недостатков: отсутствуют гарантии ее получения (статьи расходов могут меняться, необходимо софинансирование и пр.), схема принятия решений о размере поддержки затягивает ее сроки, отсутствует механизм контроля расходов государственными органами, в федеральном бюджете может не ока-

заться достаточных средств, отсутствует механизм государственного регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию (с. 98).

Завершает третий раздел обзор критических оценок реформы, которые сводятся к «неудовлетворенности ее результатами на всех этапах преобразований» (с. 99). Авторы считают «достаточно предметными» большинство замечаний в адрес реформы: о бездумной и деструктивной политике приватизации (враждебное отношение к действующим формам сельскохозяйственного производства вело к их ускоренной ликвидации без предоставления земли или с ее передачей тем, кто не собирался ее обрабатывать); о непродуманной технологии реорганизации сельхозпредприятий посредством дезинтеграции и дробления производства и пр. Но они категорически не приемлют «оголтелую идеологическую риторику» и отказ учитывать политический и экономический контекст начала реформы: «все подходы к формированию перечня получателей бесплатной земли в ходе приватизации имеют существенные недостатки, а принципы выбора наиболее достойных... создают почву для злоупотреблений», однако «с позиции институциональной экономики не важно, как произошло распределение ресурса, важно... что приватизация в пользу широкого круга сельского населения позволила предотвратить социальное напряжение в селе, затруднить быструю концентрацию земли в руках отдельных лиц, дать возможность бедному сельскому населению получить актив, которое оно могло либо использовать само, либо передать за плату другому пользователю (арендатору), собственнику» (с. 106–107).

В обзоре суммирована еще масса критических замечаний в адрес реформы: одни из них авторы признают правильными (о высоких транзакционных издержках выдела участков в счет земельных долей), другие считают несколько сомнительными и требующими дополнительных исследований, третьи — верными лишь отчасти (нормативные документы гарантировали фермерам некие права, но обеспечить их на практике было почти невозможно), четвертые — абсолютно неверными (о недостаточности имущественного пая для организации хозяйства, что реформа якобы не затрагивала несельскохозяйственные предприятия). То, что после оценки обоснованности критических выпадов в адрес реформы представлен сравнительный анализ столыпинской и ельцинской аграрных реформ, видимо, говорит о том, что авторы сочли недостаточным внимание политиков и ученых начала 1990-х годов к этим реформам, их положительным и негативным моментам (грустным сходством трех российских реформ оказалось нежелание государства выполнять свои обещания по поддержке сельхозпроизводителей и села в целом).

Самый объемный, четвертый раздел книги посвящен результатам аграрной реформы и насыщен огромным фактуальным материалом (сводными статистическими данными, сгруппированными по годам), который иллюстрирует и подтверждает выводы авторов. Перечислим кратко наиболее значимые итоги реформы: во-первых, это фор-

мирование многоукладной аграрной экономики, в которой, несмотря на некоторую правовую неопределенность статуса сельхозпроизводителя, сосуществуют три основные группы хозяйств, по которым Росстат собирает информацию, — сельскохозяйственные организации (юридические лица различных организационно-правовых форм, в частности агрохолдинги), крестьянские (фермерские) хозяйства (с образованием или нет юридического лица), включая индивидуальных предпринимателей, и хозяйства населения (личные подсобные и садоводческие, огороднические, дачные); отдельно выделены производственные и потребительские кооперативы.

В наименьшей степени представлены в российском сельском хозяйстве КФХ, потому что получившие земельные доли и имущественные паи сельские семьи предпочитали традиционные ЛПХ или работу по найму на сельхозпредприятиях. Свою роль сыграл и низкий уровень товарности хозяйств населения: их роль «в производстве товарной продукции существенно отличается от их роли в выпуске валовой продукции (продукция ЛПХ идет в основном на питание членов семьи, продаются только излишки)» (с. 152). За годы реформы менялась роль разных категорий хозяйств и в производстве отдельных видов продукции: так, трудоемкие культуры (картофель, овощи) производятся преимущественно в хозяйствах населения, высокомеханизированные культуры (зерновые и технические) — на сельхозпредприятиях и фермерами и т. д. В постреформенный период изменилась роль разных хозяйств и в использовании ресурсов (резко возросла доля сельхозугодий и занятых в семейных хозяйствах). Несмотря на сохраняющееся в обществе предубеждение против фермерских хозяйств как бесперспективных, новая аграрная структура, если рассматривать ее не по критерию организационно-правовых форм, а по размеру хозяйств, окажется состоящей преимущественно из «микро-, малого и среднего предпринимательства... организации, собственниками которых стали сотни бывших работников и пенсионеров бывших колхозов и совхозов, уступают место тем, собственниками которых является ограниченное число лиц» (с. 167).

Авторы развенчивают миф, что российское сельское хозяйство продолжает быть коллективным, полагая, что его живучести способствуют погрешности статистического учета. Впрочем, региональные различия в аграрной структуре сильны, и можно говорить о сосуществовании трех типов регионов: с корпоративной аграрной структурой (доля сельхозпредприятий в производства агропродукции превышает 50%; самые благоприятные по природным или экономическим условиям регионы — Белгородская, Липецкая, Московская и Ленинградская области, Краснодарский и Ставропольский края), семейной (доля КФХ и ЛПХ составляет более 70% валовой продукции сельского хозяйства; восточные и северные регионы, обезлюдевшие районы Нечерноземья, национальные республики, регионы, поддерживающие малый бизнес, — Астраханская, Саратовская, Самарская области) и смешанной (доля сельхозпредприятий выше

30%, но ниже 50%). Однако доминирует сегодня тенденция «усиления концентрации производства в крупнейших сельхозорганизациях... наблюдается уникальное явление “холдингизации” — ... увеличение доли сельхозорганизаций, входящих в состав холдингов, и возрастание роли холдингов в производстве сельскохозяйственной продукции» (с. 172–173). Приводя примеры агрохолдингов, авторы критически оценивают типичную практику их учреждения организациями, зарегистрированными за рубежом, поскольку она «повышает риски в области продовольственной безопасности России, особенно это опасно в отношении компаний, которые занимают большую долю на рынке: например, если собственник решит по каким-либо причинам, в том числе политического характера, прекратить деятельность в России, это приведет к серьезным последствиям для рынка продовольствия в стране» (с. 181).

Второй результат аграрной реформы — «существенное перераспределение земли по категориям, между собственниками, видами собственности и землепользователями» (с. 182). Поскольку статистическое наблюдение не позволяет оценить результаты приватизации сельхозугодий, авторы предлагают собственную методику выявления доли частных сельхозугодий у сельхозпроизводителей (порядка 70%). Эта доля увеличилась в первую очередь за счет общего сокращения площади сельхозугодий, особенно в государственной собственности, а среди частных владений преобладает коллективная собственность. С одной стороны, реформа привела к улучшению структуры сельскохозяйственных земель и увеличению угодий, закрепленных за сельхозпроизводителями. С другой стороны, несовершенство механизмов регулирования оборота и раздела участков в общей собственности породило массу злоупотреблений с получением земельных долей (особенно в Московской области) и высокие транзакционные издержки, что объясняет трудное и медленное перераспределение участков между сельхозпроизводителями. Кроме того, «официально не отслеживается информация о концентрации земли в одних руках... в мировой практике формирование латифундий оценивается отрицательно, накоплен опыт противодействия их возникновению или жесткого регулирования деятельности лендлордов» (с. 196), который в России пока не применяется. Другая российская проблема — концентрация крупных землевладений под контролем иностранных лиц: формально им разрешена только аренда российской земли, но обойти законодательные ограничения слишком легко, а это снижает доступ к земле сельских жителей за счет повышения ее стоимости, вымывает их из сельскохозяйственной занятости и сельской местности в целом.

Третьим результатом реформы стала адаптация сельхозпроизводителей к рынку: «она могла быть смягчена федеральной, региональной и муниципальной политикой, однако набор инструментов поддержки сельхозпроизводителей был крайне ограничен, тем не менее сельское хозяйство постепенно адаптировалось к новым условиям»

(с. 201) и сменило ориентацию на сохранение объема производства, численности занятых, площади посевов и поголовья скота на расчет уровня рентабельности и прибыли, что изменило размещение сельскохозяйственного производства по территории страны (в советской плановой системе оно зависело от интересов государства, в рыночной экономике определяется сравнительными преимуществами территорий): «поменялся состав крупнейших производителей, перераспределились места регионов, увеличилась концентрация производства в крупнейших регионах» (с. 206). Сегодня сворачивается производство сельхозпродукции в хозяйствах граждан (даже сельские жители стали покупать основную часть продовольствия в магазине) и наблюдается концентрация производства в крупных холдингах, что порождает целый ряд проблем: риски продовольственной безопасности в случае их банкротства, невозможность контролировать концентрацию производства при существующей системе сбора статистической информации, усиление лоббистских позиций крупных компаний в выбивании мер поддержки в ущерб мелким товаропроизводителям, хотя последние обладают большей экологической и экономической устойчивостью, например, в свиноводстве.

Авторы с сожалением констатируют, что в России «рост сельскохозяйственного производства имеет очаговый характер» (с. 238) и «сопровождается образованием огромных зон запустения, где производство... не ведется вообще...где никто не пашет, не сеет, не выращивает скот и птицу, или ведется для нужд семьи в масштабах, не заметных для статистических наблюдений» (с. 242). В качестве главных причин появления и расширения зон сельскохозяйственного запустения авторы называют низкий биоклиматический потенциал (сельхозпроизводители сокращают площади земель по объективным причинам), неустойчивость сельского развития (спад сельского хозяйства наблюдается в регионах с быстрыми темпами сокращения сельского населения), низкий уровень господдержки (а в случае ее роста — снижение ее отдачи), высокие транзакционные издержки оформления земель (непреодолимый барьер для малого бизнеса), диспаритет цен на ресурсы и на сельхозпродукцию (ведет к банкротствам сельхозорганизаций и фермеров).

Четвертый результат реформы — изменения в эффективности сельскохозяйственного производства: рост производительности труда (и снижение занятости сельского населения), эффективности используемых земель (и сокращение их площади), продуктивности по всем видам скота и птицы (и сокращение их поголовья) и ресурсоотдачи (и снижение ресурсопотребления). Подобные изменения не могли не трансформировать стратегию импорта и экспорта, а также трактовки и модель обеспечения продовольственной безопасности (с 2010 года это продовольственная независимость, или самообеспеченность по ряду пороговых показателей). Хотя формально она Россией в значительной степени гарантирована объемами внутреннего производства, одна из важнейших целей аграрной рефор-

мы, связанная с продовольственным обеспечением, по мнению авторов, достигнута не была: вместо снижения доля расходов на питание в бюджете российской семьи, наоборот, возросла; также не удалось выровнять уровни доходов сельского и городского населения.

Таким образом, книга А.Я. Узуна и Н.И. Шагайды предлагает читателю объективную характеристику российской аграрной реформы в макроэкономической перспективе, хотя отмечает и ее социальные последствия, тогда как коллективная монография «Смыслы сельской жизни» под редакцией Ж.Т. Тощенко фокусируется на «субъективном» измерении реформы, показывая, как именно и почему менялся жизненный мир сельского населения в новых институциональных и социально-структурных условиях. Читателю, интересующемуся постсоветской трансформацией аграрного уклада и сельского образа жизни, следует прочитать обе книги: увидеть сначала объективный контекст перестройки российского общества на его сельских территориях сквозь призму макроэкономических показателей и нормативных документов, а затем реальное преломление сухих цифр и официального дискурса в повседневных практиках и смысложизненных ориентациях сельского населения, зафиксированных в результатах общероссийских и региональных социологических исследований разной тематики и с применением различных опросных методик.

Введение книги призвано сориентировать читателя в ее теоретико-методологических основаниях и тех эмпирических данных, на основе которых ее авторы реконструируют смыслы сельской жизни в современной России. Предлагаемый авторами аналитический подход сочетает «базовые принципы теоретической концепции социологии жизни, предполагающей реализацию требований социологического конструктивизма», и «понятие жизненного мира» в его эмпирической интерпретации через «триединство таких индикаторов, как реально функционирующее общественное сознание, действительное поведение людей... и условия определенной социальной среды» (с. 7). Для эмпирической оценки жизненного мира сельской России авторы монографии предлагают междисциплинарный подход, обращаясь к трудам социологов, экономистов, политологов, культурологов и психологов, и многоуровневый анализ, сочетающий данные всероссийских опросов и монографических исследований. Авторы подчеркивают поисковый характер своей работы на теоретико-методологическом уровне и методические ограничения свой эмпирической базы (данные проекта «Сельская жизнь-2015» отражают только жизнь сел и деревень, которые связаны с сельскохозяйственным производством, но не реалии исчезающих малочисленных поселений), поэтому последняя сопоставлялась с результатами других социологических и статистических исследований за внушительный временной период с 1985 по 2015 год.

Первый раздел монографии состоит из шести глав, каждая из которых раскрывает особенности жизненного мира села в ка-

кой-то особой сфере. Открывает раздел вводная глава авторства Ж.Т. Тощенко: он тезисно реконструирует давнюю и славную отечественную традицию изучения сельской жизни, начиная с «Писем из деревни» А.Н. Энгельгардта и марксистского анализа социальных проблем аграрного развития в условиях проникновения капиталистических отношений в деревню, отмечая становление советской социологии села в оценках организации новой жизни крестьянства в 1920-е годы, после чего последовали десятилетия забвения, сменившиеся в 1960-е годы интересом к жизни деревни, в том числе сравнительным анализом повседневного уклада сельской жизни в разные исторические периоды. Кстати, третий раздел книги «Историко-социологическое наследие» выглядит скорее не как самостоятельный ее блок, а как приложение к данному историческому очерку, потому что здесь представлена рецензия на монографию А.М. Большакова «Деревня (1917–1927)», «одну из первых научных аналитических работ, обстоятельно и всесторонне освещающую историю и жизнь становящейся советской деревни, и первое монографическое исследование, охватывающее все стороны крестьянского бытия» (с. 274), и сравнительный историко-социологический анализ смыслов и образа жизни в селе Копанка в 1930-е и 1960-е годы. «В настоящее время социология села представляет собой совокупность исследований состояния и особенностей сознания крестьянства как социальной общности, его поведения в условиях особенной жизни, обусловленной близостью к природной среде, характером и содержанием трудовой деятельности, организацией повседневного быта» (с. 13).

К перечисленным аспектам сельской жизни в монографии добавляется еще одно «измерение» — смысловое, специфика которого определяется объективными итогами аграрной реформы. По мнению авторов, ей не удалось создать новую социальную группу — фермерство, которое должно было сменить нерентабельные колхозы и совхозы: итогом реформы стало «полное и безоговорочное торжество крупных и очень крупных хозяйств... невиданный виток аграрной гигантомании... на фоне ликвидации крестьянских фермерских и личных подсобных хозяйств... и исчезновения каждый день по две деревни, жители которых не вписываются в проводимые реформы» (с .14). Жизненный мир сельских жителей претерпевает радикальные изменения, потому что трансформировались общественные практики и ситуации обыденной жизни (например, сократилось число занятых в сельскохозяйственном производстве), меняется сама сельская общность (село стареет, молодежь вымывается в города), в аграрной политике провозглашаются и реализуются непонятные и не отвечающие интересам сельского населения решения, которые «приводят к атрофии традиционных гражданских и межличностных отношений». «На селе произошли такие изменения, которые полностью сломали уже десятилетиями и веками сложившийся уклад жизни», в частности, здесь появился свой прекариат — заня-

тые негарантированной или временной (сезонной) работой, выросла открытая и скрытая безработица, снизился уровень жизни (с. 15).

«Осмысление жизненного мира предполагает анализ препятствий и ограничений на пути реализации основных и производных целей, к которым стремятся сельские жители, а этих препятствий предостаточно: негарантированная занятость, некомфортабельное жилье, отсутствие должной транспортной инфраструктуры, слабое коммунальное и бытовое обеспечение, закрытие медучреждений и школ и увеличившийся отрыв от органов власти вследствие неразберихи в перестройке местного самоуправления. ...Жизненный мир сельчан — сложный и противоречивый мир... их социального потенциала, их возможностей, их восприятия и реакций на происходящие в обществе изменения... Жизненный мир сельских жителей различен, существует в многообразии, проявляющемся как специфика индивидуального, особенного и всеобщего» (с. 16-17). Основным понятием анализа жизненного мира (в шюцевской интерпретации) в книге выступает «смысл жизни», сочетающий в себе цели-принципы, которыми руководствуются люди, соизмеряясь с нормами и требованиями окружающего мира (устойчивые к ситуативным колебаниям жизненные ориентиры), осознание своего предназначения и назначения социальных институтов (государства, семьи, образования и др.) и активную реализацию смысла своей жизни в постоянном сопоставлении со смыслами и действиями других людей, т. е. «превращение цели-принципа в созидательную, творческую деятельность» (с. 19). Смысл жизни — «совокупность целей-принципов, образующих стратегическое ядро установок и олицетворяющих стержень сознания и поведения людей... В известной мере — это основная, конечная цель, которая может выступать как обобщенная, стратегическая установка всей жизни и как ведущая установка в основных видах деятельности» (с. 19).

Необходимость изучения смыслов сельской жизни объясняется целым рядом их особенностей, ставших результатом четверти века аграрного реформирования: в структуре ценностей исчезло общественно значимое начало, деформировались ценности благополучия (материального и социального) и оказания помощи (разрушились и советские патерналистские практики колхозов и совхозов, и вековые традиции межпоколенческой заботы), снизилась роль слухов и возросла личная информационная компетентность. Социологические данные фиксируют парадоксальную ситуацию: с одной стороны, сельское население не стремится в города, наоборот, многие горожане переезжают в села, сохраняя работу в городе, но используя преимущества жизни на природе; с другой стороны, сельские жители не видят в деревне перспектив для своих детей и внуков, что объясняет сокращение сельского населения. Многие сельские жители интерпретируют реальность как «абсурд действий властей в отношении сельского хозяйства и села в целом» (с. 25), что затрудняет для них сохранение смысла труда и профес-

сиональной деятельности, сводит смысл частной жизни к попыткам выжить и приспособиться к иной действительности, нередко прибегая к скоттовскому «оружию слабых» — «подчинению обстоятельствам с сиротской непритязательностью» (с. 27), хотя возможно и дистанцирование от официальных (государственных) институций и замыкание в мире неформальных хозяйственных практик и сетей взаимной поддержки.

Завершает первую главу констатация, что «за последние четверть века произошли кардинальные изменения в политической и экономической сферах общества, а следовательно, и в социальной и духовной... [Важно понимать], в каком направлении произошли эти изменения, как они сказались на жизни крестьян и насколько кардинально повлияли на их отношения с окружающим миром, на сущностную характеристику смысла жизни... Аграрная политика и ее производные... невозможны без того, чтобы решить проблемы, волнующие основного их субъекта — крестьянина, без участия которого мертвым грузом будет и земля, и машины, и оборудование, а в конечном счете и продовольственная безопасность страны» (с. 29). Раскрытию этих проблем и связанных с ними смыслов посвящены остальные пять глав первого раздела монографии.

Смыслы социально-экономической деятельности не могли не измениться в ситуации деградации аграрно-технического оснащения сельскохозяйственного производства, сокращения поголовья скота и посевных площадей, в целом глубокого кризиса животноводства и растениеводства (на фоне победных реляций министров о якобы небывалом росте сельского хозяйства), который повлек деквалификацию рабочей силы и снизил количество квалифицированных работников, занятых в сельском хозяйстве (хотя их дефицит ощущался уже в советское время). Советское сельское хозяйство было экстенсивным с точки зрения привлечения трудовых ресурсов, но экономическая неэффективность (низкая производительность труда) служила стабилизирующим социальным фактором; достигнутая в рыночных условиях экономическая эффективность породила социальную нестабильность, потому что снизила занятость, возродила отходничество и диверсификацию трудовых практик (лесозаготовки, сбор грибов и ягод, туризм, превращение деревень в загородные дома престарелых или зоны отдыха горожан), маргинализировала оставшееся безработное население, вынужденное перебиваться случайными заработками, и увела значительную часть работников в неформальную занятость.

«Диверсификация трудовых практик усложняет жизненный мир сельчан, они приобретают разный опыт, а это разрушает монолитный образ деревни, и главное... работа на земле больше не является основным и единственным источником дохода сельских жителей, более того, растет количество сельских жителей, вообще не владеющих землей... Это свидетельствует о том, что сейчас на селе мы наблюдаем процессы раскрестьянивания... сельчане утрачива-

ют мотивацию иметь землю и работать на ней. Утрата мотивации работы на земле отчасти начала проявляться в советский период, но в рыночной стихии она усилилась» (с. 41-42). В результате «крестьянский мир распался, нет ничего общего, объединяющего людей, растет разобщенность и замкнутость» (с. 45): капиталистические отношения на селе усилили его социально-экономическую дифференциацию и перестройку на городской манер, и в наибольшей степени эти процессы отразились на безземельных крестьянах, поскольку отсутствие земли углубляет социальное неравенство внутри сельского мира (межличностные связи у безземельных селян тоньше, уровень социального недоверия выше) и отчуждает безземельных селян от местных сообществ, хотя «атомизация жизненного мира отражается в мироощущении [всех] сельчан» (с. 47). Крестьянин превращается в наемного работника, «отчужденного от результатов своего труда, они ему безразличны (не приносят удовлетворение и радость), а его работа ничем принципиально не отличается от труда на фабрике, только она тяжелей и утомительней. Низкие зарплаты рождают у сельских жителей ощущение несправедливости» (с. 48).

Крестьяне не превратились в полноценных земельных собственников, потому что стали лишь «“бумажными” собственниками-хозяевами (паев)», а не фермерами (их число незначительно). Реформа провалилась и потому, что коллективные хозяйства «стремятся выполнять сугубо экономические цели, оставляя после себя “выжженный социальный ландшафт”, что особенно проявляется в деятельности крупных агрохолдингов-латифундий, которые... воспринимают землю и сельское население исключительно как ресурс для извлечения прибыли и хозяйствуют на ней “колониальным”, в худшем понимании этого слова, способом (скупают или отбирают плодородные земли, не берут местных жителей на работу, маркируя их как “ленивую пьянь”, не заинтересованы в социальном развитии территорий, на которых работают)» (с. 53). Пытаясь минимизировать издержки, от прежних социальных функций отказываются как бывшие колхозы и совхозы, так и государство, что ведет «к обезлюдению малых деревень и концентрации населения в крупных селах, где еще сохранилась социальная инфраструктура. А сами эти села уже превращаются в поселки городского типа... т. е. перестают быть селами в классическом понимании этого слова» (с. 54–55).

Соответственно, возникает вопрос, какую роль в сельской жизни сегодня играет материальное благополучие. В третьей главе оно выступает как совокупность следующих показателей: оплата труда, личное подсобное хозяйство, социальные трансферты, сбережения и инфраструктура (жилищно-коммунальные условия, транспорт, потребительские возможности и др.); все показатели рассматриваются применительно к каждой из трех групп сельских жителей — низко-, средне- и высокодоходной (сюда в силу крайней малочисленности не вошли те, кто может позволить себе любые

крупные расходы). Так, согласно официальным данным, в России наиболее низкие уровни заработной платы зафиксированы в сельском хозяйстве, поэтому в деревне наблюдается рост дифференциации доходов между самыми высоко- и низкодоходными группами: первые обычно сочетают несколько форм занятости, а вторые по объективным (и/или субъективным) причинам не могут повысить свой доход, их материальное положение, аналогично среднедоходным группам, постоянно осложняется, в частности, потому что у них нет ресурсов для ведения личного подсобного хозяйства. Впрочем, те две трети сельских жителей, что его ведут, сталкиваются с проблемой реализации своей продукции (в выигрыше опять оказываются высокодоходные группы с их возможностями).

«На фоне осознания собственного неблагополучия... оптимизм сельского населения, связанный с потребительской уверенностью, падает, вместе с ним рушатся и надежды на лучшую жизнь» (с. 75–76). Действительно, о каком оптимизме может идти речь, если значительную долю в структуре расходов занимает питание, что оставляет мало возможностей для приобретения непродовольственных товаров, обращения за медицинскими услугами, выезда в культурно-досуговых целях в город и т. д. «Отрицательные оценки возможности улучшить свое материальное благополучие заставляют часть сельских жителей покинуть село и искать “счастье” в городе... рассматривая переезд как самый многообещающий путь стабилизации своего социального положения и достижения благополучия» (с. 79–80). Оставшиеся на малой родине вынуждены искать иные пути выживания, основной из которых — увеличение времени на труд (подработки и совместительство) и переход на прекарный труд, что «не обеспечивает достойную жизнь и... делает особенно бедные слои еще более уязвимыми, особенно когда те видят свою несостоятельность по сравнению с высокодоходными группами. Сельскую жизнь при таких обстоятельствах сложно назвать спокойной, стабильной и благополучной» (с. 81).

В сложившейся социально-экономической ситуации (особенно с учетом ее восприятия) не могли не измениться качество и смыслы общественно-политических практик жителей села, для оценки которых в четвертой главе использованы следующие показатели: тенденции развития и функционирования политического сознания; устойчивые и изменяющиеся формы поведения в политической сфере и участия в государственных и общественных преобразованиях. Так, «политическое сознание жителей российского села характеризуется неопределенностью политических взглядов... размытостью мировоззренческих установок, низкой политической компетентностью, дистанцированностью и равнодушием... к политической жизни страны» (с. 86). Это утверждение обосновывается тем, что на протяжении многих лет жители сел поддерживают не соответствующие нынешним реалиям коммунистические и социалистические идеи: с одной стороны, из их памяти стерлись многие не-

гативные моменты советского периода; с другой стороны, в ней сохранились позитивные воспоминания о своей прежней роли (кормили страну и давали сырье промышленности) и о заботе государства (патерналистские идеалы). В целом для политического сознания и поведения сельских жителей характерна парадоксальность, проявляющаяся в высоком уровне лояльности власти на фоне отчуждения от политики государства, которая жестко критикуется именно с социалистических позиций — за отход от прежних ценностей коллективизма, за ошибочный либеральный вектор реформирования и т. д.

Лояльность села политическому режиму исследователи объясняют двумя причинами: привычкой жить в состоянии непрекращающегося кризиса и антиномичностью сознания (соотношение придерживающихся благоприятных и катастрофических оценок положения в стране примерно равно). Сельское население «чувствует себя наиболее заброшенным со стороны государства... что может объясняться... неудовлетворительным состоянием государственного управления и официальной аграрной политикой, недооценкой роли и функций села» (с. 93). Это отчуждение объясняет доминирование на селе пассивных форм политического участия, когда недовольство проявляется не в протесте, а в игнорировании государства и политических сил, поэтому участие в выборах имеет инерционный, ритуальный характер (особенно для старших поколений), а иногда объясняется угрозой санкций со стороны местного или регионального руководства.

«Низкая политическая и гражданская компетентность, отсутствие опыта отстаивания своих прав и интересов, страх наказания за несогласие с действиями властей порождают среди жителей села пассивность и полный отказ от каких-либо политических или гражданских действий. В качестве наиболее частых причин политической и гражданской пассивности они указывают отсутствие свободного времени и опасение репрессий со стороны органов власти... Властные структуры воспринимаются не как проводники и представители интересов крестьян, а как аппарат, могущий предоставить/не предоставить некоторую социально-экономическую поддержку и оказать/не оказать содействие в решении хозяйственных нужд» (с. 96–98). Высокий уровень лояльности государству, которое сельчане не воспринимают как выразителя своих интересов, объясняется тем, что оно продолжает выполнять некоторые патерналистские функции (хотя и в недостаточном объеме) в формате социально-экономических дотаций и помощи. Этим объясняется и поддержка «партии власти» — на нее возлагаются надежды на предоставление сельскому населению доступа к ресурсам и возможностям решать насущные проблемы (поддержка отдельных политиков носит, как правило, персонифицированный характер). Особое место в политических воззрениях сельских жителей, подкрепляющих их патерналистские установки, занимает носталь-

гия по социалистическому колхозу/совхозу и былому устройству общественной жизни (экономическая защита, солидарные практики в сфере труда и досуга и т. д.).

Несомненно, постсоветские трансформации в целом, а не только аграрная реформа, изменили смыслы духовной жизни сельчан, в которой П.П. Великий выделяет устойчивые и изменяющиеся элементы (например, исчезла традиция ходить всей семьей в клуб на киносеансы, потому что кинопоказ стал затратным и исчезли все поддерживающие его институты, включая киноклуб). В качестве динамичной формы духовной жизни в пятой главе рассмотрено неформальное общение сельчан, в котором за последнюю четверть века произошли очевидные изменения: имеющие работу выделились в самостоятельную и достаточно замкнутую группу (корпоративность общения на селе нарастает), куда не сможет попасть безработный (не будет принят и не захочет напрашиваться), хотя они встречаются на «площадках традиционного общения» (свадьбы, похороны и пр.). Прежде коллективные моменты повседневности сельского сообщества порождали у большинства его членов чувство сопричастности, формировали особый духовно-нравственный сельский капитал, позволявший каждому сельскому жителю и сообществу выдерживать трудности жизни. «К сожалению, основание этого духовного капитала мерами государства под названием “аграрная реформа” почти полностью разрушено» (с. 118).

Заключительная глава первого раздела посвящена межличностным отношениям и взаимопомощи на селе: они составляют самую суть сельского духовного капитала и микросреды, характерными чертами которой является жизнь среди знакомых, выстраивание с ними долгосрочных отношений и определенная взаимозависимость друг от друга в ограниченном и замкнутом жизненном пространстве, где практически нет места обезличенности и отстраненности. Социальными последствиями реформы стали «чувство социальной изолированности, ухудшение морально-психологического самочувствия... распад устойчивых коллективистских взаимоотношений и связей, разрушение привычного уклада жизни» (с. 122). Однако неблагоприятная экономическая ситуация и отсутствие поддержки со стороны государства заставляли людей налаживать связи, позволяющие эффективно использовать собственные ресурсы и возможности местного сообщества: «развитие неформальной экономики [оказание услуг не с целью получения максимальной выгоды, а ради поддержания социальных взаимоотношений; каждая семья выступает в роли донора и реципиента], своеобразие сети взаимопомощи в сельской местности становятся инструментом компенсации отсутствия или недостаточно эффективного функционирования формальных экономических институтов» (с. 123).

Моральная поддержка и взаимопомощь оказываются столь важны, что в непростых экономических условиях, при высокой не-

удовлетворенности жизнью и в отсутствие уверенности в улучшении ситуации большинство жителей сел не хотят переезжать в город — далеко от родственников и друзей: «родственные связи, налаженные межличностные отношения являются одним из сдерживающих факторов, несмотря на материальные трудности и низкий уровень жизни» (с. 126). Однако и ориентация на помощь зависит от экономического благополучия: отношения односельчан построены на взаимообмене, взаимопомощи и хорошей репутации (реципиент сможет отблагодарить, вовремя вернуть долг); помощь/благодарность оказывается не только в денежной, но и в натуральной форме; обладание ресурсами повышает уверенность в помощи односельчан (реципиент уверен, что сможет стать донором) и т. д. «Несмотря на факторы обособления и индивидуализации, солидарность, доверие и соседская взаимопомощь... в сельских поселениях не исчезли» (с. 133). Впрочем, «кооперация, сотрудничество, неформальная взаимопомощь оказываются отчасти вынужденными мерами... В условиях невозможности обеспечить себе и своей семье достойный уровень жизни взаимопомощь на селе является проявлением... не истинного, бескорыстного, а скорее рационального, реципрокного альтруизма — с надеждой на будущую выгоду» (с. 134). Большинство россиян независимо от места проживания (город или село) в решении повседневных проблем и преодолении трудностей обращаются в первую очередь к близким/родным и друзьям, однако «практики взаимопомощи распространены... как вынужденная мера, дополнительный инструмент выживания, пассивной адаптации и обеспечения приемлемого уровня жизни (с. 141).

Второй раздел книги раскрывает институциональные и социально-структурные смыслы жизнеустройства на селе и состоит из шести глав. В первой из них рассмотрены социально-демографические аспекты сельской жизни, поскольку воздействие государственных реформ и социально-экономической политики 1990–2000-х годов на основные сельские структуры и институты имело неоднозначные последствия для воспроизводства сельского населения. Так, зафиксировано резкое сокращение молодежи, занятой в сельском хозяйстве; слабое развитие альтернативных видов деятельности, что обусловило рост безработицы и высокий уровень бедности среди сельского населения, почти вдвое превышающий городские показатели; доминирование молодых возрастных групп в миграционном оттоке из сел в крупнейшие города для получения образования и самореализации, тогда как в села приезжают преимущественно старшие возрастные группы; вовлечение в миграционный отток средней возрастной группы 30–39 лет (семей с детьми) вследствие нерешенности многих социальных и инфраструктурных проблем села и т. д.

По мнению авторов, качественные сдвиги в брачном и репродуктивном поведении сельского населения пока сложно объяснять «переходом от стратегии выживания к стратегии повышения бла-

госсостояния, от традиционных к рациональным ценностным ориентациям», т. е. «как индикаторы объективного процесса социальной модернизации сельской местности» (с. 152) и либеральной рационализации демографических отношений и поведения. Российское сельское хозяйство оказалось в кризисных экономических условиях, которые порождали инструментализацию и демотивацию труда под влиянием в первую очередь социальных факторов. В результате для села характерно «сочетание традиционных и модернизационных характеристик на уровне установок и в структуре значимых социальных связей» (с. 157): с одной стороны, люди апеллируют к родственным ресурсам в случае жизненных трудностей (неформальная семейная и дружеская межпоколенная поддержка); с другой стороны, все чаще рассчитывают только на себя и не надеются на формальные институты (слабое доверие к ним объясняется их неэффективностью).

Несомненно, как показано во второй главе, семья является важнейшей ценностью для сельского (и не только) населения, несмотря на негативные тенденции в брачно-демографической сфере. Опираясь на данные Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 годов, авторы показывают, что на селе уменьшается число домохозяйств при увеличении доли одиноко проживающих людей, что укладывается в общую тенденцию сокращения сельского населения и его старения; возрастает доля семей с одним ребенком, т. е. сельская семья перестает быть многодетной (влияет и миграционный отток молодой и средневозрастной когорт в города). В то же время в сельском сообществе сохраняется «высокий уровень персонифицированных отношений, неформальный контроль со стороны семьи либо односельчан, отсутствие анонимности и высокая роль межсемейных и дружеских трансфертов... Такие сети социальной поддержки играют роль стабилизирующего фактора экономической и социальной жизни сельской семьи и частично компенсируют кризис социальных институтов» (с. 181).

Наиболее очевиден этот кризис в сельском здравоохранении и образовании. «За последние двадцать пять лет на селе произошло уменьшение учреждений здравоохранения (количество организаций сократилось в пять раз, а коечный фонд как минимум вдвое)» (с. 190). «“Оптимизация здравоохранения” привела к тому, что жители сельских поселений не могут реализовать один из основных принципов оказания медицинской помощи — доступности, и прежде всего по территориальному принципу» (с. 194). В целом обеспеченность сельских жителей медработниками примерно в три раза ниже, чем городских жителей, по причине низкой заработной платы, отсутствия жилья, неразвитой социальной и транспортной инфраструктуры, плохих условий труда и быта.

Ненамного лучше ситуация в сельском образовании, несмотря на славные традиции сельской школы как неотъемлемого компонента деревенской жизни и прежние разнообразные способы суще-

ствования книжной культуры в крестьянской среде. Авторы считают, что связывать нынешние проблемы сельского образования исключительно с постсоветским периодом неправильно: уже в 1960-е годы массовый отток сельского населения в города породил проблемы кадрового обеспечения сельских школ и сокращения числа их учащихся; в 1970–1980-е годы «сельская школа, по сути, выполняла функции подготовки учащихся к переезду и учебе в городе»; «к 1990-м годам практически утратила самобытную связь с сельским миром, уступая городским школам по степени материально-технической оснащенности, кадровому обеспечению, и оказалась заложником миграционных, демографических и политических процессов» (с. 213). Как и в здравоохранении, концентрация образовательных учреждений в крупных населенных пунктах, ставшая результатом политики экономии ресурсов, привела к снижению их территориальной доступности. Изменяется и отношение сельских жителей к образованию — в сторону парадоксальности: образование остается важной терминальной ценностью, но теряет свою инструментальную ценность (как способ достижения социального положения и престижа).

Трансформации сельской жизни не могли не отразиться на «жизнеобразующих смыслах сельской молодежи»: с одной стороны, ключевыми ценностями для нее, как для российского населения в целом, остаются семья, здоровье, работа и друзья, менее значимыми — политика, культура, общественное признание и религия; с другой стороны, у сельской молодежи представлены противоречивые смысложизненные ориентации. В качестве таковых выступают: желание остаться на селе (характерно для тех, у кого в селе проживают родные, кто чувствует поддержку ближайшего окружения, у кого есть собственный бизнес/стабильная работа и/или личное подсобное хозяйство, у кого нет уверенности в нахождении работы в городе и кому материально тяжело сняться с места); желание переехать из села в город (по причине отсутствия жизненных перспектив); компромиссный вариант проживания на селе, но работы и отдыха в городе (в силу его противоречивости и сложности реализации его выбирает небольшая группа молодежи); эпизодические смыслы (безразличие к политике и бездействие в социальной сфере на фоне отсутствия политических предпочтений или симпатий нескольким политическим течениям). В результате «смыслы жизни сельской молодежи сочетают в себе тенденции традиционализма и инновационности, консерватизма и модернизма, оказываясь достаточно парадоксальными с точки зрения официальных заявлений, личных стремлений и реальной действительности» (с. 249).

В ситуации, «когда остро стоит проблема опустения сельской местности, когда все большее число сельчан под давлением внешних условий или по собственному желанию принимают решение покинуть село, интеллигенция могла бы сыграть значительную

роль для сохранения сельских поселений, объединения и консолидации сельского населения» (с. 251). В оценке способности нынешней сельской интеллигенции выполнить эту миссию авторы опираются на результаты опросов работников образования, культуры и медицины, имеющих среднее специальное и высшее образование: согласно этим данным, можно обозначить некоторые объективные отличия сельской интеллигенции от большей части сельского населения (чаще официальная работа по найму, реже ведение собственного хозяйства), однако объединяет всех сельских жителей низкий уровень оплаты труда, неустойчивое материальное положение и грустные перспективы в свете сокращения учреждений культуры, образования и здравоохранения. Все это порождает «неверие в возможность влияния на происходящие процессы, отсутствие убежденности в том, что их интересы будут защищаться, а нужды и потребности поддерживаться, что приводит к дистанцированию от политической и общественной сферы... к концентрированию внимания на проблемах индивидуального порядка... связанных с бытом и личным окружением» (с. 263).

Итак, две книги различаются аналитической «оптикой», используемой для оценки хода и результатов российской аграрной реформы, но при этом обнаруживают массу совпадающих сюжетов. Так, В.Я. Узун и Н.И. Шагайда отмечают, что социальная справедливость в ходе приватизации земли и имущества сельхозпредприятий ставилась выше экономической эффективности (бесплатное наделение земельными долями и имущественными паями даже тех, кто не собирался на земле работать), что «воспринималось обществом как возврат долгов селу... как компенсация за прошлые несправедливые решения... косвенным подтверждением чего служило развитие процесса приватизации фактически без серьезных конфликтов и протестов» (с. 48). Ж.Т. Тощенко с соавторами исходит из аналогичной, но несколько более «субъективной» трактовки социальной справедливости, крайне важным «индикатором которой является мнение о том, как должно российское государство относиться к своим гражданам» (с. 22): сельским жителям сложно считать отношение государства к селу справедливым и по декларируемым оценкам (несмотря на «благие намерения» государства, нередки высказывания его ключевых представителей, что «сельское хозяйство — это черная дыра»), и по реальным процессам (раскрестьянивание и неконтролируемый рост латифундий и агрохолдингов, препятствующий развитию фермерского движения, сельхозкооперации и рациональной социальной структуры сельских поселений).

Объединяет две содержательно разные книги и схожая оценочная тональность: авторы стремятся максимально объективно, без лишних эмоций, описать ход и результаты аграрной реформы. Так, в первой работе неоднократно подчеркивается, что «сельские и другие жители страны... что-то выиграли в результате реформ,

что-то проиграли. Взвесить все “за” и “против”, сделать однозначный вывод, была реформа успешной или нет, вряд ли возможно. Результаты ее противоречивы: с одной стороны, она позволила добиться такого роста урожайности, продуктивности, производительности, ресурсоотдачи, о котором аграрники мечтали многие десятилетия предреформенного периода, а с другой — сельское хозяйство во многих регионах стало очаговым, появились районы запустения» (с. 15). Однако стремление к объективности не означает отказа от критики характерного для России типа реформирования. Так, авторы крайне негативно оценивают попытки советского руководства по реорганизации сельского хозяйства, которые лишь усиливали монополизацию АПК и ужесточали централизацию управления агропредприятиями на всех уровнях, т. е. каждая реорганизация обостряла аграрный кризис, но проводилась «как шумная кампания, радио, телевидение, газеты, журналы систематически сообщали о множестве фактов, из которых следовало, что [нововведения] в короткие сроки творят чудеса» (с. 36). Столь же негативно авторы оценивают попытки «вместо анализа причин перейти на поиск виновных», когда в позднесоветском продовольственном кризисе обвиняли то коммунистическую власть, то М.С. Горбачева с перестройкой, то реформаторов, допустивших массу ошибок (с. 39). «Когда отсутствует рутинная работа по выявлению институциональных ловушек и их ликвидации, отсутствует федеральный орган, координирующий работу по реформе, совокупность законодательных и нормативных актов обречена на фрагментарность, дороговизну исполнения и разнонаправленность. Это повлекло длинный и мучительный процесс реформирования сельского хозяйства в России» (с. 68).

Авторы второй книги также критически оценивают результаты аграрной реформы, однако акцент делают на негативных чертах капитализма в деревне: «он срывает “романтические покровы” с труда, он лишает его “идеальных” представлений о благородстве, социальной важности, необходимости для общества. И в сухом остатке остается только один мотив — материальное благополучие, т. е. деньги. Частная собственность и деньги разрушают моральную экономику сельских поселений, социальные связи утончаются... Это и есть социальные последствия раскрестьянивания, которые в первую очередь отражаются на смысле жизни на земле» (с. 48). Впрочем, столь же негативно авторы оценивают и романтизацию деревни реформаторами, их «фантастическое представление о колхознике, который, получив землю, превратится в фермера и самостоятельно сможет осуществить весь производственный цикл — закупить семена, удобрения, горюче-смазочный материал, внести удобрения, собрать урожай, а затем его продать» (с. 52). Многие предложения Министерства культуры и правительства авторы называют «культурническими», потому что они не затрагивают «стержневые, центральные смыслы сельских жителей» (с. 115);

чиновники игнорируют проблемы села и «выпячивают успехи, хотя лукавство очевидно... если сравнивать показатели 1990 и 2015 годов, то... число культурно-досуговых учреждений... уменьшилось» (с. 116).

Объединяет две книги не только оценочная тональность (кстати, авторы открыты к критике, не скрывают свои методики и оговаривают их ограничения), но и гуманистический пафос — надежда на сохранение сельских сообществ: «возможно, будут найдены новые точки сборки коллективности... возможен компромисс между экономической выгодой и социальной стабильностью» (вторая книга: с. 57). При этом авторы обеих монографий ставят перед читателем сложную задачу: они предоставляют ему море разнообразных цифр, наводящих на размышления, но не навязывают ему собственные оценки. Впрочем, во второй книге иногда встречаются сомнительные утверждения (о «неразвитости или отсутствии духовных потребностей у сельчан»; что «перенесенные предками испытания автоматически включили генетическую программу защиты детей»; о «примитивизации и атрофии мировоззренческих установок молодежи» и др.), но они контекстуализированы таким количеством эмпирической информации, что читатель может либо игнорировать подобные выводы, либо, опираясь на представленные в тексте или самостоятельно найденные данные, прийти к иным заключениям.

Безусловно, придирчивый читатель может предъявить авторам двух книг ряд претензий. Скажем, первая работа может показаться ему несколько устаревшей, потому что вышла в 2015 году, до Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года, однако авторы прекрасно суммировали накопленные к моменту ее проведения статистические и аналитические материалы, предложили целый комплекс индикаторов и методических решений, которые можно просто дополнить последними данными (практически в формате мониторинга). Во второй книге читателя может смутить разведение трех уровней социальной среды (макро-, мезо- и микромира), поскольку в действительности их границы подвижны и накладываются друг на друга, но подобная структура жизненного мира сельского сообщества совершенно оправданна в качестве модели, в которую встроено множество эмпирических индикаторов. Несколько странно в тексте выглядят ссылки на исследования 2001, 2002, 2004 годов, результаты которых авторы презентируют как имеющие место сегодня, что, конечно, требует уточнений и обоснований. Формат коллективной монографии порождает несколько избыточные повторы основных постулатов социологии жизни, обзоров хода и результатов аграрной реформы и т. д., поскольку все авторы стремились сделать свои тексты последовательными и логичными, но, с другой стороны, именно завершенный и самостоятельный характер входящих в книгу текстов превращает ее в своеобразный справочник по «субъективному» измерению аграрной реформы.

A guide to the post-soviet agrarian reform in Russia: Objective and subjective dimensions of rural life

Irina Trotsuk, DSc (Sociology), Associate Professor, Sociology Chair, RUDN University; Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru.